

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Насколько богаты богачи?	21
Долгий социальный рост: от обезьяны к магнату	42
Время вечеринок: заря плутократии	64
Кто здесь главный? Доминирование по-плохому	84
Доминирование по-доброму	118
Услужливое сердце: модели подчиненного поведения	142
Зачем рискуют богачи: игра на публику	171
Демонстрация скромной экстравагантности	183
Жизнь на широкую ногу: жилища богачей	224
Любовные забавы богатых	251
Семейный бизнес	287
Эпилог	311

ВВЕДЕНИЕ

«Если хотите знать, что Бог думает о деньгах, просто взгляните на тех, кому он их дал».

*Дороти Паркер, журналистка,
одна из основателей журнала New Yorker*

Для начала хотелось бы сделать одно нескромное признание. В отличие от некоторых первых работ в области эволюционной психологии, эта книга не основывается на тщательном сравнительном исследовании. Не является она (в отличие от многих великих трудов по изучению поведения животных) и результатом тысяч и тысяч часов усердных полевых наблюдений за тем, например, как пауки ткут паутины.

Толчком к ее написанию послужил совет одного биржевого маклера. Я находился в Монако с рядовым заданием журнала National Geographic, и у меня возникло чувство, будто я попал в другую вселенную, где даже самая непринужденная болтовня могла в любой момент обернуться сюрреалистической стороной. Например, однажды я сидел в баре с двумя молодыми женщинами, подыскивавшими «стартовых» мужей, когда одна из них спросила у другой: «У него все еще „ягуар“ одного цвета с собакой?» — «Ты все перепутала, — ответила подруга, — это был „морган“. А цвет — кремовый». Я попросил одну из них научить меня немного говорить по-французски, и она с удовольствием пропела фразу «Il a du fric», что означает «Он при деньгах». А я, к слову, даже не мог открыть в Монако банковский счет, поскольку мне любезно объяснили, что минимальный вклад составляет сто тысяч долларов.

«National Geographic? — переспросил меня как-то утром английский биржевой маклер. — Почему же вы не в горах Папуа — Новой Гвинеи?»

В ответ я высказал предположение, что у каждого народа есть своя антропология и обычаи коренных жителей Монако, надо думать, не менее экзотичны, чем обычаи любого племени горцев.

Маклер мгновенно заинтересовался этой идеей. «Знаете, — сказал он, — я хожу в ночной клуб Jimmy's — это своего рода ритуал. Каждую ночь исполняют одни и те же песни, танцуют одни и те же девушки...»

Несколько дней спустя я вновь наткнулся на этого маклера в баре, и он тотчас стал указывать мне на антропологические признаки монегасков: «Здесь происходит брачный ритуал племени. Все на виду. Много перьев. Сколько угодно перекрестного опыления».

«Вы говорите, как Дэвид Аттенборо», — ответил я. Двумя руками маклер держал стакан с напитком, пальцами указывая на ярко одетую женщину, сидевшую за стойкой бара. «А вот, — продолжал он голосом ведущего научно-популярной телепрограммы, — божья коровка с черными и белыми полосками и красным воротничком».

Как раз в этот момент в дымчатом зеркале напротив я заметил элегантного мужчину с огромными свисающими усами, как будто сошедшего с полотна Тулуз-Лотрека. Достав золотую зажигалку и любясь каждым своим жестом, он водил пламенем по кончику толстой сигары. Затем, не выпуская из рук этот фаллический аксессуар, он обошел бар, радостно приветствуя многочисленных знакомых. В этом «сверхчеловеческом» обществе трофейных жен и международных торговцев оружием каждый был богат и блестящ.

Биржевой маклер потягивал напиток и обдумывал сказанное.

«Мы все же животные одного вида, не важно, есть у нас вещишки от Cartier или нет, — сказал он. — Можете возиться со знаками и символами, изучать их, но в конечном счете поймете, что любой из них говорит окружаю-

щим то же, что и красный зад обезьяны — „обратите внимание на меня“».

Эта идея дала плоды, поскольку почва была подготовлена самой моей жизнью. Большую часть последних двадцати лет я писал о мире животных и растений для таких журналов, как National Geographic и Smithsonian. В то же время я регулярно сочинял статьи на совершенно не имеющие отношения к природе темы для Architectural Digest. Таким образом, я писал то о богатых, то о животных. Беседа за бокалом шампанского с Ричардом Бренсоном в частном клубе в Кенсингтоне могла смениться плаванием по кишасей пираньями перуанской Амазонке, а сразу после того как во дворце Бленем мне давал интервью лорд Джон Джордж Вандербильт Генри Спенсер-Черчилль, одиннадцатый герцог Мальборо, я садился на самолет, летящий в Ботсвану, чтобы в дельте реки Окованго попасть на прием к благородному бабуину по кличке Пауэр. Трудно сказать, какой из этих миров опаснее, однако нельзя было не заметить определенного сходства, путешествуя между ними. Например, биолог, которого я посетил в Ботсване, заметил: «У бабуинов принято вести себя так, как рекомендует Джейн Остин в своем романе: поддерживать прочные связи с родственниками и стараться понравиться вышестоящим».

Как писатель, специализирующийся на естествознании, я всегда полагал, что все особи животных, от австралийского муравья до Руперта Мердока, в большей или меньшей степени подчиняются правилам, диктуемым принадлежностью к тому или иному виду. Они имеют общую со своими собратьями физиологию, охраняют свою территорию, следуют принципам социальной иерархии, репродуктивного поведения, заботятся о потомстве... Иначе их, как правило, съедают.

Итак, я задался вопросом о том, нельзя ли рассмотреть богатых в новом свете — как представителей фауны. Мне пришло в голову, что можно даже написать естест-

венную историю богатых, как-то перекликающуюся с утверждением, гласящим: «Богатые не похожи на нас с тобой: они чаще метят территорию». Немецкий поэт Генрих Гейне, например, однажды описал свое посещение парижских апартаментов барона Джеймса Ротшильда. Когда «обшитый золотым галуном лакей» вышел из покоев барона с огромным ночным горшком, то ожидавший в передней биржевик встал и «почтительно приподнял шляпу». Это, естественно, напомнило мне раболепное поведение домашних мышей рядом с лужицей мочи самца-лидера.

Приведу и другой пример. Услышав, какой скандал устроил контролирующей косметическую компанию Revlon миллиардер Рональд Перельман своей третьей жене Патриции Дафф, которая без ведома мужа отправилась на какую-то вечеринку, проходившую во время съезда Демократической партии в 1996 году, я вспомнил, что самец осы, отыскав подходящую самку, часто заталкивает ее в труднодоступное место, чтобы не дать другим самцам спариться с ней.

Аналогия такого рода может показаться возмутительной и оскорбительной, поэтому я честно признаю, что переходить эту границу не следует. Было бы неправильно, например, уподоблять Перельмана мухе *Johanne seniella nitidia*, у самца которой гениталии отламываются после копуляции и становятся своего рода поясом целомудрия на теле самки. С другой стороны, сами богатые сравнивают свое поведение с животными так часто и настойчиво, что это свидетельствует об их страстном желании постичь собственное место в мире природы. Джон Рокфеллер, готовясь под безобидной личиной South Improvement Company начать одну из самых хищнических акций в истории американского предпринимательства, признался своей жене: «Я чувствую себя как лев в клетке, и я бы рычал, если бы от этого был толк». Впрочем, проводимые аналогии не всегда так примитивны. Роберт Дедман-старший (не последний человек в списке четырехсот самых

богатых людей журнала Forbes) однажды так описал радость приобретения: «Я чувствую себя комаром на нудистском пляже. Все выглядит так аппетитно, что не знаешь, с чего начать».

Однако будет ли убедительным выбор богатых как объекта естествознания? Можем ли мы обсуждать их естественное поведение, когда границы общественно-экономических классов так подвижны и какой-нибудь Билл Гейтс может пройти путь от рядового представителя верхнего слоя среднего класса до богатейшего олигарха мира за десять или двадцать лет? Или, коли на то пошло, когда такой интернет-магнат, как Масайошисан, может потерять за год 63 миллиарда долларов и все равно остаться богаче самого Бога?

На первый взгляд идея казалась смехотворной. Богачи не отличаются от вас или меня генетически (если не считать последствий близкородственных браков из поколения в поколение). Все мы, как сказал мой знакомый маклер в Монако, животные одного вида. Важнейшие биологические и мыслительные механизмы, необходимые для нашего взаимодействия друг с другом и с миром, получили развитие в те времена, когда особи нашего вида при ходьбе еще волочили по земле руки, причем эти древнейшие модели адаптации определяют наше поведение по сей день. Мы жадно поглощали жиры и сахар, еще будучи охотниками в саванне, где эти природные ресурсы скудны, и по-прежнему объедаемся ими сегодня, став конторскими служащими, хотя теперь они доступны в изобилии и даже грозят сердечно-сосудистыми заболеваниями и кариесом.

Но богачи имеют больше сладкого, чем все остальные. Или, точнее говоря, они имеют больше всего, что им хочется в тот или иной момент. Когда животное получает больше каких-либо природных богатств или иных ресурсов, оно способно изменить свое поведение. Дайте реву больше пищи и более высокий статус, и он станет чаще заниматься сексом. Дайте сумчатой крысе много полных

мусорных баков, и вскоре она начнет производить на свет больше самцов, чем самок. Индивидуумы со схожим генетическим строением ведут себя неодинаково при разном доступе к ресурсам.

«Общеизвестно, — писал изучавший приматов зоолог Франс де Вааль, — что зерно подсолнуха, посаженное на солнечном участке, прорастая, становится совершенно иным растением, чем то, что было посажено в тени».

Применимо ли это к людям? По крайней мере, общие биологические принципы и закономерности поведения начинают значить гораздо больше, когда проявляются в жизни богатых. Никому нет дела, если обычный менеджер среднего звена хмурит брови и бушует, пытаясь укрепить свой статус. Но когда подобное доминантное поведение демонстрирует Билл Гейтс, гибнут компании, люди богатеют или разоряются, и это привлекает пристальное внимание всех, в том числе правительства США.

Рассмотрение богатых людей через призму поведения животных может быть весьма полезным, в том числе для самих богачей. Гейтс, возможно, не имел бы неприятностей с американским правительством, если бы понимал тонкости борьбы за главенство, наблюдаемой в мире животных. Первый параграф руководства «Инструменты лидерства обезьян Тамба» гласит: шимпанзе иногда приходится утверждать собственный статус, вырывая глаз соперника. Однако он также может добиться господства более мягкими способами, такими как социальное манипулирование, создание союзов и даже любезность.

Зооморфизм (уподобление людей животным) и антропоморфизм (уподобление животных людям) — очень древние занятия. Но ряд событий нескольких последних десятилетий показал, что у людей и животных больше общего, чем мы думали. Самым важным стало то, что такие биологи, как Джейн Гудол, Амоц Захави и Гордон Орианс, начали представлять результаты первых подробных и продолжительных полевых наблюдений за популяциями

диких животных. Возможно, не так просто увидеть связь между богатой женщиной, прохаживающейся в туфлях от Маноло Бланика, и каким-нибудь низкооплачиваемым биологом, который пробирается сквозь кустарник в разношенных Texas. Однако ранее никто не изучал истории жизни тех или иных индивидуумов в животном мире годами и даже десятилетиями, фиксируя, помимо прочего, их происхождение, получение и утрату ими власти, влияние статуса на поведение в брачный период и способы передачи статуса потомкам.

В то же время ученые начали признавать, что животные думают и чувствуют, а ведь еще в 1970-х годах такая позиция считалась биологической ересью. Теперь специалисты пытаются найти сходства и различия в мышлении животных и людей. Молекулярные биологи тем временем продемонстрировали, насколько сильно наш генетический фонд совпадает с другими видами. Доказано, что геномы человека и шимпанзе на 98,4% идентичны. Но даже при изучении столь отличного от нас вида, как крошечная червеобразная нематода *Caenorhabditis elegans*, обнаруживается, что 74% групп генов, являющихся основными рабочими единицами генома, практически совпадают с теми, что мы можем найти, скажем, у Марты Стюарт. Становится все более очевидно, что люди и животные — это часть биологического континуума. Несмотря на всю свою щедрость в создании новых видов, природе свойственна и скупость, раз она всякий раз использует одни и те же фокусы. В эту тенденцию порой с трудом верится, например, когда узнаешь, что феромон личинки пяденицы оказывается также химическим сигналом к проявлению сексуальной активности для азиатского слона.

Вместе эти биологические открытия породили новую отрасль науки — эволюционную психологию, которая исследует, как наша ранняя история существования в африканской саванне продолжает формировать наше поведение

на Саттон-плейс и авеню Фош. Эволюционные психологи, конечно, также отмечают поведенческие и биологические факторы, влияющие на наш образ жизни в Перт-Амбое. Однако исследователи, изучающие какой-либо вид, уделяют особое внимание доминантным особям, а в случае человека это, как правило, богатые люди. Исследования позволяют предположить, что некоторые не слишком приятные механизмы выживания (а также некоторые весьма и весьма приятные) играют особенную роль в среде богатых людей хотя бы потому, что их ставки очень высоки. Поэтому мы и говорим о естественной истории богатых.

Эволюционная психология до сих пор дала только два повода для критики. Первое обвинение состоит в том, что она лишь укрепляет традиционные роли полов: мужчины зарабатывают деньги и находят новых сексуальных партнеров, а женщины остаются жертвами двойных стандартов. Традиционно считается, что Арманда Хаммеры и Нельсоны Рокфеллеры нашего мира склонны изменять женам, поскольку самцы получают огромное биологическое преимущество за очень небольшую цену, распространяя свое семя как можно шире.

Но эволюционная предрасположенность к неверности столь же сильно (хотя, возможно, более избирательно) действует и у женщин. Биологи сейчас признают, что самка блюберда, долгое время считавшаяся примером пожизненной моногамии, часто вступает в то, что деликатно называется EPCs, то есть extra-pair copulations — «связи вне пары». Хотя ее супруг может быть хорошим добытчиком, он зачастую скучен. Поэтому она обращается к любовнику в ожидании подарков, трепетного любовного внимания и, быть может, лучших генов. В результате проведенного исследования оказалось, что более 15% потомства блюбердов зачаты не партнерами по гнезду. Какое отношение это имеет к жизни богатых? В весьма схожей с блюбердами манере поступали Дженни Джером и Рэндольф Черчилль. Они состояли в сочетавшем среднее бо-

гатство и аристократический престиж браке, первым сыном от которого стал Уинстон Черчилль.

Однако Рэндольф страдал от неизлечимого сифилиса, и Дженни за свою жизнь сменила более двухсот любовников. Одним из них летом 1879 года, по-видимому, был подполковник Джон Стрейндж Джоселин. В феврале следующего года миссис Черчилль родила Уинстону брата, которого назвали Джон Стрейндж Спенсер Черчилль.

Вторым поводом для критики может послужить то, что термин «естественная история богатых» отдаёт рецидивом социального дарвинизма. История использования феодалами-разбойниками конца XIX века дарвинистского принципа выживания сильнейших для самовосхваления и притеснения бедняков стала частью нашей интеллектуальной мифологии. Да и в дальнейшем, можно предположить, состоятельных людей вполне устраивало сознание того, что их богатство было, как сказал Джон Рокфеллер-младший, «воплощением природного и Божьего законов». Но словосочетание «выживание сильнейших» вошло в обиход задолго до публикации в 1859 году работы Чарльза Дарвина «Происхождение видов», его придумал экономист Герберт Спенсер. Более того, в то время богатые люди приписывали причины своих успехов скорее Божьей воле, нежели природному порядку. Джон Рокфеллер-младший в особенности восхвалял кооперативный и христианский характер, якобы свойственный его трастовой компании Standard Oil, противопоставляя его дарвинизму.

В любом случае я надеюсь использовать более изящную форму дарвинизма не для восхваления или обличения богатых, а для понимания их, а также для объяснения того, каким образом модели общественного взаимодействия, сформировавшиеся у их далеких предков, продолжают влиять на их поступки сегодня. В этой связи дарвинизм предстает своего рода планом для изучения поведения богачей и используемых ими стратегий, позволяющим искать ответы на разнообразные вопросы. Какие эволюци-

онные механизмы способствуют приобретению богатства? Как используется свойственное приматам доминантное поведение для сохранения богатства и превращения его в общественное положение? Почему ежегодный съезд Рокфеллеров в Покантико-Хиллз следует считать не просто семейной встречей, а дарвинистским инструментом продолжения династии? Какие особенности поведения заставляют богатых раз за разом посещать одни и те же места — Аспен и Санкт-Мориц, Нантакет и Майорку — и встречаться с одними и теми же людьми? Я не намерен судить богатых с позиции морали, как не стану судить самок луговой собачки, пожирающих потомство своих сестер в последние суровые дни зимы, а с приходом весны выживающих это потомство как свое собственное. Натуралист учится оценивать различные стратегии поведения исключительно с позиции их полезности для выживания.

В этой книге я намерен прибегать к инструментам эволюционной психологии одновременно с охотой и осторожностью. Моя задача как журналиста — подвергать сомнению, будоражить воображение, информировать и развлекать. Временами я буду выходить за пределы того, что решился бы утверждать ученый. Если я, к примеру, сравню Дональда Трампа с мухой-скорпионницей, читатель может заподозрить, что я схожу с тропы строгого научного исследования. В то же время я, конечно, буду отмечать, когда сами эволюционные психологи доходят до абсурда. Так, один автор предположил, что страстные поцелуи изобретены богачами Средневековья в качестве составляющей системы куртуазной любви, призванной сделать более поздними браки и размножение землевладельцев. Но ведь Саломея любила целоваться, не так ли? А Клеопатра?

Мой подход будет, в сущности, благожелательным, чему есть как минимум три причины. Во-первых, все мы, скорее всего, произошли от богатых. Поначалу это может показаться маловероятным, поскольку, в конце концов, согласно самому избитому тезису дарвинизма, все мы

произошли от обезьян. Но последние исследования позволяют сделать вывод, что мы почти наверняка происходим также и от королей. В терминах дарвинизма следует говорить, что мы произошли от доминантных животных, выгодно использовавших свой общественный статус в репродуктивных целях. Не так давно изобретательный защитник памятников архитектуры написал пятидесяти богачейшим людям Великобритании, стремясь заручиться их поддержкой в качестве «потомков короля Эдуарда III». Это беспроектная с точки зрения генеалогии авантюра, поскольку Эдуард III, правивший в XIV веке, имел семнадцать детей, а это означает, что в современной Англии вполне может жить около двух миллионов его потомков. Еще надежнее было бы обратиться к потомкам короля Генриха I, правившего в XII веке и оставившего около пятидесяти незаконнорожденных детей.

Во-вторых, все мы надеемся разбогатеть. Можно сказать с полной уверенностью, что мы произошли от людей, любивших пищу и секс, и унаследовали от них глубоко укоренившееся стремление иметь высокий статус, поместье на берегу моря, красивый пейзаж, подобный тому, что открывается из окон английского загородного дома (и целиком создан из растений, вывезенных из африканской саванны), и массу других приятных вещей, которые часто ассоциируются с богатством и славой. Более того, несмотря на все наши оговорки, мы жаждем быть такими, как богачи, следим за ними так же подобоострастно, как группа горилл, следующих за своим доминантным вожаком с серебристой шерсткой на спине, подражаем им так же охотно, как бабочка *Basilarchia archippus* подражает окраске данаиды (*Anosia plexippus*). Как и в любой иерархии, мы вместе с тем боимся богатых, ведь они могут использовать свою власть, чтобы обидеть нас.

В-третьих, я склонен сочувствовать богатым, которые находятся в особенном положении, подобном положению слонов-самцов во время муста или оголодавших медведей-

гризли в период гиперфагии. Близкородственное скрещивание (инцухт) дает преимущество концентрации семейного богатства, однако оно также увеличивает вероятность слабоумия или наследственных заболеваний (например, порфирии, от которой страдал Георг III и, вероятно, император Вильгельм II). Женитьба на богатой наследнице может быть полезным инструментом укрепления династии, однако она же увеличивает риск бесплодия.

Более того, жизнь на вершине может в некотором отношении быть исключительно неприятной. Недавно я слышал, как бенефициарий трастового фонда с жаром перечислял список бед, связанных с унаследованным богатством. Он вспомнил социальную изоляцию, неприязнь ровесников, раздающиеся вокруг филиппики против богатых, предательство или циничное использование его друзьями, неоправданно завышенные ожидания семьи и общества, неравный в материальном отношении брак и отсутствие тех обычных обстоятельств (вроде беспокойства по поводу квартирной платы), которые побуждают нас вылезать из постели по утрам в поисках средств к существованию или ради приобретения толики самоуважения.

Он мог бы добавить, что богатым никто не сочувствует. Считается, что если вы имеете миллион долларов, то должны терпеть и помалкивать. Богатые даже не всегда могут найти утешение друг у друга, поскольку большие дома с множеством комнат и перегородок изолируют их от членов собственных семей. Сэлли Бингхэм писала о своем воспитании в семейном поместье в десяти милях от Луисвилла, штат Кентукки: «Одни в своем имении, мы жили как изолированное племя со своими специфическими обычаями, подобно какой-нибудь группе первобытных людей в лесах Новой Гвинеи».

Наконец, жизни наверху присуща жесткая конкуренция. Богатство часто доводит людей до крайностей демонстративного и оборонительного поведения, примерно как в случае морского слона, которому приходится тратить

тысячу фунтов лишнего жира каждый брачный сезон для подтверждения собственного статуса. Появление в списке четырехсот самых богатых американцев, опубликованном журналом *Forbes*, не принесло Теду Тернеру чувства полного удовлетворения: «В первый раз, когда я увидел там свое имя, я подумал: „Хм, я мог бы добиться и большего“». Однако стремление «быть круче» может легко привести к *folies de grandeur*. Например, одна богатая пара из Нью-Йорка устроила вечеринку, сняв апартаменты во дворце Бленем — родовом гнезде семьи Черчилль — и разослав приглашения, подписанные: «Мистер и миссис Джон Гутфройнд, в своем доме в Бленеме». Мир всегда с жадностью следит за богатыми, отмечая, насколько убедительно или фальшиво звучит их хвастовство.

В этой книге я предлагаю нам слушать их несколько иначе, путешествуя по миру богатых так, как если бы мы были антропологами, впервые попавшими на остров Ириан-Джая к живущему на деревьях племени комбаи, или приматологами, старающимися отметить самое очаровательное, пикантное, а также нелепое и смешное в жизни беличьих обезьян.

Именно в таком настроении, следуя совету маклера из Монако, я направился однажды субботней ночью в клуб *Jimmy's*. В час ночи рядом стояли пять «бентли», три «роллс-ройса», шесть «феррари» и бесчисленное количество «мерседесов», выстроившихся перед входом в иерархическом порядке. Это была самая обычная субботняя ночь. Мой вожатый переговорил с местным хозяином. (Того звали Франко. Никакого Джимми там не было, название местечка — просто модно звучащий псевдоамериканизм.) Вскоре мы сидели за одним из столиков, заказанных для постоянных посетителей, рядом с низкой стеной с видом на пруд.

Окна были распахнуты в ночь, так что в комнате чувствовался средиземноморский бриз. Над прудом перекинут мост, ведущий в японский садик на противоположной